

Дышать больно

Автор:

[Ева Ли](#)

Дышать больно

Ева Ли

Для того, чтобы написать эту историю, нужно очень много сил – и физических, и душевных. Это текст о моей единственной подруге, так рано умершей, словно мне в наказание, словно мне в благословение. Мы были вместе ровно год. Самое тяжелое время, самое темное. С того дня, 4 мая 09 года, прошло уже семь лет, но я понимаю, что все эти года прошли мимо меня, что жизнь для меня остановилась в тот самый миг, когда моей подруги не стало. Все началось в мае, и в мае же закончилось. Trigger warning.

Дышать больно

Ева Ли

Основано на реальных событиях

Мари.

© Ева Ли, 2016

© Александр Дьяков, фотографии, 2016

Корректор Ксения Кованная

ISBN 978-5-4483-2206-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

За этот текст я садилась несколько раз, но дальше общих фраз и банальных мыслей дело не шло: я была не готова, не готова и сейчас.

Для того, чтобы написать эту историю, нужно очень много сил – и физических, и душевных. Ни тех, ни других у меня давно уже нет.

Но однажды я обещала ей, что напишу нашу историю такой, какой она была, какой она могла бы быть, какой она никогда не была и уже не будет.

Это текст о моей единственной подруге, которую я называю не иначе как «постигшая звук», ибо меня она сполна постигла.

Это текст как реквием по ней, так рано умершей, словно мне в наказание, словно мне в благословение.

Это текст о том, что стоит за моей третьей татуировкой. Татуировкой лилий. Это текст о том, почему я отвечаю, что ненавижу эти цветы.

Это случилось именно так, как я все и описала, неверно расставлены только некоторые запятые, да и точки не на тех местах, точки вместо многоточий; неверны и мы сами.

Мы были вместе ровно год, двенадцать месяцев, поэтому и повествование разбито на эти самые двенадцать кровавых месяцев. Самое тяжелое время, самое темное. От него я не могу отойти до сих пор. И что-то мне подсказывает, что вряд ли смогу.

С того самого дня, четвертого мая девятого года, прошло уже семь лет, но каждый раз, стоит мне только спуститься в метро, я понимаю, что и не было

никаких семи лет, что все было буквально вчера, что все эти года прошли мимо меня, что жизнь для меня остановилась в тот самый миг, когда моей подруги не стало.

Все началось в мае, и в мае же закончилось...

Я всегда плохо переносила зиму, и она это знала. Моей мечтой с детства было переехать в какую-нибудь страну, где будет ровный климат круглый год. Я даже нашла пару таких стран...

Но спустя семь лет после того, как ее не стало, я все еще в Питере. Все эти годы я училась обходиться без нее и, кажется, даже привыкла к ее тотальному отсутствию, но этой зимой, особенно холодной, особенно снежной, я поняла, что ни черта я не научилась, ни черта не привыкла и вряд ли уже когда-нибудь привыкну, или смирюсь, или приму.

Я поняла это, когда больная насквозь (я не вылезая из хронического бронхита, не слезая с антибиотиков, на моих обветренных и запекшихся губах постоянно выскакивает герпес, хронически низкая температура, хронически холодные руки, ни одни перчатки не спасают от питерских холодов, от питерских снегов, хроническая тоска по ней) ехала в метро с работы.

Десять станций. Каждый вечер я снова и снова пересчитываю их, но их снова и снова ровно десять: не больше, не меньше. И все эти десять станций я думаю только о ней. С того времени, как пошел снег, а в этом году он начал идти рано. Впервые за семь лет. Это первая снежная зима после нашего девятого года.

Все мои мысли только о ней, без конца и края, как в заезженной пластинке. Воспоминания вперемешку с воспоминаниями...

...а проснулась я от звуков лютни: камерная музыка, эпоха ренессанса, золотой век Европы, Нидерланды тоже входят в список.

Нидерланды...

Страна, где Мари родилась...

Мари?!

Я вскочила в постели, постель была не моя, да и комната была чужой, в этом городе я впервые ночевала не дома, хотя этого дома у меня еще здесь и не было: за окном было утро третьего мая восьмого года, Питер, пахло лилиями, букет стоял рядом, на столике рядом с кроватью, кровать была не моя, ее. Да и квартира тоже была ее.

Тихая камерная музыка играла еле слышно, создавая иллюзию, что это все мне приснилось: вчерашняя прогулка по набережной, заходящее солнце, ее рука в моей, ее улыбка мне, ее длинные с красным отливом темные волосы, развевающиеся на ветру, ее мотоцикл и ее тело в моих руках, – все это не более чем сон, ведь не могли же мы вот так встретиться, просто вот так, я шла по мостовой, она ехала на спортивном темно-синем мотоцикле, нет, мчалась, рвала ветер на части, разрывала мир своим бешеным рыком, своими отчаянными мыслями обо мне, как и я – о ней, мы не знали ничего друг о друге ровно до той секунды, когда наши пути пересеклись – вот так просто! – посреди дороги, я слушаю музыку, пьянящий транс, не смотрю по сторонам – по сторонам смотрят только дураки, они же придумали тормоза и подушки безопасности – она мчится, не разбирая дороги, почти двести, вдруг замечает меня, громко, безжалостно сигналит, я поворачиваю голову – что-то, какой-то посторонний шум вмешался в мою неземную, невозможную, доводящую до слез музыку, и вижу ее, заносщую на повороте, иначе она меня собьет, – время замедлилось, нет, оно просто перестало существовать, оно перестало быть по определению, и я вижу только наездницу мотоцикла, которая стремится избежать столкновения.

У нее это получилось, ее отнесло на несколько метров вперед, она упала на асфальт вместе со своим верным железным другом, прочертив неровные полосы на нем. Колеса еще крутились, когда я подошла к ней и сняла наушники, выключив музыку.

– Fucking bitch! – вот первые слова моей подруги мне. Она сняла шлем, отбросила с лица свои прекрасные волосы.

Уж действительно ебаная сука... Ебаная сука – это относилось ко мне. «Fucking bitch!», – так я всегда ругалась, от души, туша сигарету или швырнув в стену чашку капучино: я тогда узнала, что она смертельно больна, и жить ей осталось чуть больше года: гребаный май восьмого года, гребаные белоснежные лилии: я их покупаю раз в месяц, в день, когда она умерла: четвертое число.

Чашка с грохотом разбилась, оставив на обоях темный след от кофе, брызги попали на лепестки лилий: у нас всегда было много лилий, она их просто обожала, всегда притаскивала их охапками домой, скупая почти все магазины в округе.

- Sorry[1 - Извини (англ.)], - только и смогла я пролепетать в ответ, стоило мне на нее взглянуть, как я сразу поняла, что она нерусская, ну не могут русские так изящно ругаться матом, одновременно смотря с улыбкой мне в глаза.

В глаза... и стоило нам посмотреть друг другу в глаза, ей с ненавистью, мне виновато, как все... все стало на свои места...

Все разговоры были после, у нас было чуть больше года для бесконечных, долгих, терпких, одиноких, истеричных разговоров, мы говорили, говорили, говорили, и никак не могли остановиться, сон как короткая пауза между нашими разговорами, диалогами, монологами, сон да мои занятия по китайскому языку, с ней мы говорили только на английском, она не знала русского, я - голландского, Роттердам ее родной город, откуда она сбежала два года назад в Питер, на закате майского дня, в тот вечер мы не говорили, мы не говорили в наш первый вечер, мы просто стояли на набережной, слушали плеск волн и крики чаек, которые пересекали волны в поисках рыбы.

От звуков лютни я и проснулась.

- Доброе утро, - сказала она мне, садясь на край кровати рядом со мной, пахнувшая теплой шарлоткой и лилиями.

- Привет, - я зевнула и сладко потянулась. - Который час?

- Десять утра, - она взяла мою руку, словно боясь, что я исчезну, что это сон. Боялась и я.

- Мне нужно забрать вещи, - проговорила я.

Мой английский был паршивым, very bad[2 - Очень плохой (англ.)], как его охарактеризовала моя подруга, когда мы вчера приехали к ней домой, десятая линия Васьки, двухкомнатная квартира в только что построенном доме.

Стоило нам переступить порог ее дома и сварить кофе, как начались наши разговоры, разговоры о нас, о нашем прошлом, о нашем настоящем, мы не говорили тогда о нашем будущем, я чувствовала, что это ненадолго, не навсегда, наши разговоры прекратились в момент ее смерти, четвертого мая девятого года.

– Я тебе помогу. Я больше не отпущу тебя, – пообещала мне Мари.

Она сдержала свое обещание: мы не расставались ни на день, только ее смерть разлучила нас.

А лютня эпохи ренессанса все звучала и звучала. Я поднялась с кровати, привела себя в порядок, в большой светлой кухне, залитой солнечным светом, мы не спеша позавтракали, шарлотка, приготовленная ею, и свежавыжатый апельсиновый сок, еще я сварила нам кофе: одна чашка для нее, другая для меня. И так было всегда весь этот год. Но тогда я еще ничего не знала об этом. Глупая наивная девочка.

Да и что я могла знать в свои двадцать два, почти двадцать три года? Буквально на днях я окончу первый университет, филология, и сразу же поступлю во второй, на этот раз востоковедение. Так было решено на семейном совете месяц назад, незадолго до госэкзаменов и защиты диплома.

Все пророчили мне научную стезю: и декан, и мой научный руководитель хором уговаривали меня пойти в аспирантуру, мол я рождена для этого. Что сделала я? Правильно, послала все и ушла в китаеведение. Декан до сих пор со мной здоровается сквозь зубы, если не делает вид, что не узнала меня. Господи, восемь лет прошло, а простить мне этого не могут до сих пор...

А тогда мы с Мари забрали мои вещи, которые уместились в одну сумку, со съемной комнаты в коммуналке (ирония судьбы, та же десятая линия Васьки, только через несколько домов) и вернулись обратно.

А после пошли гулять. Так мы впервые оказались в кафе, которое навсегда стало самым любимым... которое навсегда стало самым ненавистным.

Я до сих пор, когда оказываюсь проездом на шестой линии (на Ваське я не живу со дня ее смерти, я всегда выбираю свои новые дома как можно дальше от этого проклятого острова), всегда нахожу пару минут, чтобы забежать в него. Посидеть. Повспоминать.

Внутри все осталось так же, как и тогда, семь лет назад, официанты только сменились, хотя... порой я готова поклясться, что все они остались на своих местах, все они были прежними, просто не хотят меня узнавать, не хотят причинять мне боль своим узнаванием, ведь ее-то больше нет...

Подумать только, кафе пережило мою подругу!

Мари пыталась учить русский, но проще было выучить китайский за это время, что было оставлено нам, чем мой родной язык. А о том, что нам осталось черрртовски мало, я узнала глубокой ночью пятого мая, если технически, то шестого. Но даты так неважны и так важны. Иногда именно даты и помогают выжить, но этой способностью обладают только одни даты, которые и стоит отмечать – то даты смерти.

Пятое мая – такая вот дата...

– Кто умер? – с таким вопросом она застала меня на кухне ранним утром. Играл Роб Дуган. В этот день лишь он один, никакой лютни, никакого транса, ничего... Огромная пустота. Уже три года.

– Одна девушка[3 - Речь идет о романе «Noir».] – моего словарного запаса не хватает, чтобы ей все объяснить, но Мари поняла меня без слов, ведь она была «постигшей звук».

Она взяла меня за руку, сжала ее между своих ладоней, моя рука была холодна. Уже как два дня мы жили вместе, хотя, казалось, что уже не одну вечность, не одну жизнь мы провели вот так вот. Вместе. Хух-Хото, Гватемала, Южный-Северный полюс, Барселона, ах нет, конечно-же-не-Барселона-и-уж-тем-более-не-Ибица, Лхаса, Киото, да где угодно!

Жить моей подруге оставалось ровно год.

– Ты любишь танго? – спросила я ее накануне, когда разбирала ее диски, которые нашла в ее (ах нет, уже в нашей) квартире: их немного – что-то голландское, лютия эпохи Ренессанса в исполнении лучших музыкантов нашего времени, что-то печально-готичное и музыка аргентинского танго.

– Я живу им! – она вскочила на ноги, поставила диск на воспроизведение и, схватив меня, прижала к себе.

– Я не умею танцевать, – вяло брыкалась я, с упоением вдыхая аромат ее волос, ее запах.

Мы не сделали ни единого па, просто не успели, наши взгляды пересеклись впервые так близко. Мы еще что-то хотели сказать друг другу, что-то о танго, что-то о неотложных делах, но ничто не остановило нас, ни меня, ни ее: мы слишком долго ждали этого момента, непростительно долго.

– Я люблю тебя, – прошептали ее ресницы, ее маленькие слезинки в углу ее синих глаз.

– Я люблю тебя, – в ответ прошептали мои ресницы, мои пальцы, что сильно сжали ее, возможно, даже немного сильнее, чем того требовал танец под названием танго.

Утро пятого мая я встретила, смотря на нее и держа в руках горячую кружку кофе. Она еще спала, она была такой счастливой во сне, какой я уже никогда не буду, ведь она рядом с любимой, со мной, для меня она была просто подругой, моей единственной подругой, с которой я могла жить, растить детей, цветы, читать по ночам книги, танцевать танго, пить утренний кофе, опаздывать на работу из-за нее, тормошить ее волосы, чмокать в нос, обнимать под дождем, гулять рука об руку по улицам любого города мира, заблудиться в лесу, покорять вершины гор, расплетать лианы в непроходимых джунглях, отбиваться от хулиганов, слушать музыку, когда на город опускается ночь, дожить до старости в мире и согласии, во всем помогая друг другу – до старости дожить не грозит ни мне, ни ей, – но одного я не могла – это любить ее, как свою единственную женщину. И она это знала.

И из-за этого знания она и умерла: сигареты были лишь средством, лишь предлогом, лишь поводом.

– Как ты проводишь подобные дни? – спросила она меня, садясь напротив меня, наливая себе горячий кофе и прикуривая сигарету.

– Слушаю музыку и вспоминаю ее, – я еще тогда не знала, что совсем скоро, через год, ведь год – это так мало, да, чуть больше, чем каких-то жалких полгода, но все же так мало, черрттовски мало, к пятому маю добавится еще одна дата, одна маленькая дата, в которую я буду точно так же сидеть, слушать музыку и вспоминать. А еще писать.

– Меня тоже будешь вспоминать?

– Ты собираешься умереть? – я еще тогда ничего не знала и верила, что все будет хорошо, и что мы проживем вместе очень много лет, пока смерть не разлучит нас. Моя смерть. Не ее.

– Зачем мне умирать, когда ты рядом? О нет, я планирую прожить очень долго, чтобы окончательно надоест тебе, моя любовь, – она с наслаждением затянулась.

– Ты не сможешь мне надоест, – я улыбнулась ей: я тогда не знала, что ей нельзя курить.

Все было потом: и вырывания из пальцев сигарет с кровавыми следами на фильтре, и пощечины, и крики, что так больше продолжаться не может, и сгустки крови на дне белоснежной раковины, и задыханья по ночам, что мои, что ее, не было только одного – больниц и врачей: мы обе запрещали вызывать «скорую помощь».

Но тогда, утром пятого мая восьмого года, когда все только начиналось, мы обе верили, что все будет хорошо, и мы будем счастливы.

Весь день мы провели на улице: было бесконечно синее небо, яркое солнце, кристально-прозрачный воздух, захватывало дух, и немного кружилась голова. Я показывала ей все свои любимые места в городе, она показывала мне свои любимые места в городе.

Мы дурачились, как дети, мы были счастливы, беззаботны, наивны, мы не думали ни о чем, ни о прошлом, ни о будущем, только о том, что сейчас и здесь мы вместе, мы держимся за руки.

А вечером... вечером, когда играет Роб Дуган, мне становится плохо. А чего я ждала?! Вот чего?!

Список моих болезней занимает не один печатный лист А4, врачи одно время даже делали ставки, до скольких лет я дотяну (за моей спиной, конечно, об этом я узнала несколько месяцев назад, когда уже ни злости, ни обиды на этих врачей не осталось), диагноза нет до сих пор, врачи путаются в показаниях, что мне можно, что нельзя, но в одном они сходятся: никаких нервов, никаких потрясений, никаких авралов, ничего такого, что может вызвать дикую тахикардию вкупе с бешеной аритмией на пару-тройку часов. В лучшем случае.

Мари едва не сходит с ума, видя меня такой, она хватается телефон, чтобы вызвать врачей, я вырываю телефон из ее рук, швыряю на пол, рычу, бессильно рычу, на себя, на свое беспомощное тело, на нее, да на мою подругу я тоже рычу:

– Никаких врачей!

– Но тебе же плохо!

– Как будто впервые, – я хохочу, схватившись за сердце, у меня истеричный хохот, и слезы стекают на пол с моих глаз от боли в груди, я выпиваю залпом даосское пойло, которое я накануне предусмотрительно оставила в холодильнике, рядом лежит листок с инструкцией по применению: «Синяя пиала – сердце, красная – давление, зеленая – если горлом пойдет кровь».

Кровь пошла не у меня, кровь пошла у Мари, когда я чуть отдышалась, когда чуть успокоилась, когда уже смогла о чем-то думать, кроме как «Да где же, твою мать, эти гребаные настойки?!»: матом я ругаюсь только, когда сердце отказывается работать.

Когда я огляделась, стоя на кухне, держась за край стола, чтобы не рухнуть на пол, как подкошенное дерево, я и заметила ее, мою подругу, склонившуюся над раковиной. Ее всю сотрясал безумный кашель, будто она хотела выхаркать

свою душу, свои внутренности, что у нее и получалось: в раковину падала кровь вместе с кусками плоти, ее плоти, ее легких.

Ей было хуже, чем мне. Ей было невыносимо хуже, чем мне, то, что у меня, это были сказки для детей, у нее – настоящие ужасы.

Я подбежала к холодильнику, рванула на себя дверцу, она стукнулась об стену, схватила зеленую пиалу – «если горлом пойдет кровь», – при этом попутно снеся на пол какие-то продукты, пакет открытого молока, коробку яиц, мне было все равно, я подбежала к ней.

– Пей! – я тяжело дышала. Она вытерла тыльной стороной ладони свои губы, которые все были в крови, кровь стекала по подбородку, кашель чуть утих, взяла у меня пиалу и залпом выпила, даже не спросив, что это.

Затем снова склонилась над раковиной, я заглянула туда, и мне стало плохо: там лежала моя любимая подруга, ее тело, часть ее легких, ее кровь. Я догадывалась, что это значит. Я не знала, что мне делать, у меня потемнело в глазах: не будет никакого будущего, не в этот раз.

Она открыла кран, полилась вода, возвращая меня к реальности, она смывала свою кровь с раковины, с лица, с рук. Я стояла рядом, ныло сердце, холодильник пищал, чтобы его закрыли, я смотрела только на нее, на ее точные движения, которые выполняли привычную работу.

Когда она закрыла кран и взяла полотенце, чтобы вытереть руки, я спросила:

– Что с тобой?

– Рак легких, – еле слышно, устало ответила она. – Последняя стадия. У тебя?

– Порок сердца, – севшим голосом ответила я.

– Веселая у нас будет жизнь, – Мари горько рассмеялась.

Буду ли я ее вспоминать? Всегда...

...а совсем недавно на жестком диске, разбирая накопившиеся файлы на компьютере, я нашла все ее фотографии, которые были сделаны до меня, до нас, во время нас, мною, ею, нет только фотографий после нее, после нас, после меня.

И снова нахлынули воспоминания, будто их и не было до этого каждую минуту, каждую секунду, каждый мой вдох и выдох, каждый мой сон, каждый момент моей жизни...

Я совсем забыла про эти фотографии, просто выкинула эту информацию из головы, чтобы не было так мучительно больно, будто мне и так не мучительно больно, будто я и так ее не вспоминаю, стоит только мне спуститься в метро, чтобы проехать эти несчастные десять станций от работы домой.

Днем я еще держусь, пытаюсь загрузить себя такой важной работой, тысячью делами, чтобы не вспоминать, чтобы не думать уже вот семь лет, но... метро, десять станций, в моем плейлисте половина песен носит название «Мари» на разных языках, другая половина ассоциируется с ней так или иначе. Кого я хочу обмануть?

Гуляя по Питеру, я так или иначе попадаю в те самые места, на те самые улицы, где были мы. Так или иначе. Весь город пропах ею. Так или иначе. Каждый дом помнит ее, каждая набережная помнит нас, помнит ее. Так или иначе. Кого я хочу обмануть?

...а когда на город опускается ночь, и я лежу на полу в темноте, смотря на потолок, который освещается желтоватым светом от уличного фонаря, для меня начинается самое тяжелое время суток: за окном с рыком проносятся мотоциклы, однажды четвертого числа почти полтора года спустя после того, как не стало моей единственной подруги, я даже видела один поверженный, искореженный, лежащий на асфальте в собственной крови-бензине, случилась авария, я легко могу представить себе визг возмущенных тормозов, скрежет стального корпуса мотоцикла об асфальт, я слышала это все от Мари, когда она едва не сбила меня, так мы познакомились.

Иногда я думаю, в такие вот моменты по ночам, что лучше бы я тогда посмотрела по сторонам и пропустила ее, она проехала бы мимо, и не было ничего, что лучше было бы, чтобы она сбила меня насмерть, что угодно, лишь бы

не было нас, нашего года вместе.

Мне не дано такой роскоши: мы были, она курила, она умерла у меня на руках однажды в мае, накануне моего дня рождения, ее последними словами были: «Улыбайся завтра, даже когда меня не будет».

Эти слова она говорила мне всегда, на протяжении всего нашего времени, его было так мало у нас, просто непростительно мало.

Но до этого мы танцевали, танцевали танго, она стала меня учить ему буквально на следующий день, когда я узнала, что она смертельно больна. Я перестала танцевать в день ее смерти, в день ее смерти я танцевала в последний раз. Страстное аргентинское танго, как признание в любви.

Но кроме танцев были еще и сигареты. Много сигарет. В день она могла выкурить две пачки тонких сигарилл.

– Курить обязательно?! – я только что поднялась с кровати и пришла на кухню завтракать, она уже докуривала пятую сигарету с утра.

Июнь близился к концу, я успешно сдала госэкзамен, защитилась, вчера было вручение дипломов.

Эти два месяца мы катались на ее мотоцикле по ночному городу, я читала ей свои рассказы, мы совсем как Мия и Эсма, смотри, у меня даже мотоцикл есть, и я умру раньше тебя, со смехом сказала она, когда я закончила читать одну из своих ранних повестей, но больше всего времени мы проводили на набережных каналах города.

Над нами было бесконечное небо, мы дурачились, игрались, бегали друг за другом, она, конечно же, курила, спускались к воде, сидели на перилах и смотрели на бездонное синее небо, держались за руки, каждую секунду, и говорили, говорили, говорили. О нас, о нас еще раз и о нашей любви, а еще о том, что будем жить бесконечно долго вместе. Смеялись. Много смеялись. Истерично. А по ночам танцевали. Или она задыхалась кашлем.

– Я уже и так зашла далеко, нет никакого смысла останавливаться, дорогая, – она протянула ко мне руки, чтобы обнять меня. – Я хочу показать тебе спортивный клуб, где я занимаюсь.

За эти два месяца я не раз и не два вырывала сигареты из ее рук, давала ей пощечины, но она отвечала мне лишь смехом, одним лишь смехом, и продолжала курить. Я опускала руки, я знала, что из этого круга нам не вырваться, и она умрет все равно, месяцем раньше, месяцем позже, перед смертью будет совсем неважно, сколько времени мы провели вместе, в любом случае его окажется безумно мало.

Я чмокнула ее и села завтракать. На тарелке перед ней был кусок шарлотки, которую она всегда готовила сама, я невольно залюбовалась ее ровными, точными, острыми движениями, которыми она уничтожала пирог.

Вообще, моя Мари вся была острая, точная и ровная – глаза как у рыси, четко очерченные скулы, упрямые ровные губы, длинные острые пальцы, прямые черные волосы с красноватым отливом до лопаток, влево скошенная челка – она вся была острой, холодной и сильной, сила так и лучилась из нее: рак легких не любит слабых, рак легких делает сильным, рак легких да я. Однажды она мне так и сказала: «Если выбирать между раком и тобой, я выбираю рак. Ты еще хуже. Но мне достались вы оба, за какие такие мои грехи?!»

А залюбовавшись ею, я вновь заметила шрам на шее, который давно не давал мне покоя, да вот спрашивать я как-то стеснялась, но на этот раз любопытство переселило:

– Откуда он у тебя? – Мари проследила за моим взглядом и скосила свой на длинный шрам.

– А, этот. Мелочи.

– Расскажи, – я настаивала.

– Ну хорошо, – она отодвинула тарелку с пирогом, взяла салфетку и начала свой рассказ: – В Роттердаме я работала крупье в казино. Однажды ночью, когда я возвращалась домой дворами – всего-то каких-то пятнадцать минут, – меня оглушили чем-то тяжелым по голове. Очнулась я, спустя минут где-то десять,

позади какого-то кафе в глухом тупике. Мужчина пытался стянуть с меня одежду. Заметив, что я очнулась, он схватил меня сзади, приставил к горлу огромный армейский нож, и попытался стянуть с меня трусики. Он держал меня одной рукой, а второй шарил между ног, ему было неудобно, он поднял меня и смотрел вниз, чтобы быстрее снять уже эти трусики, и это стало его главной ошибкой. Нож врезался мне в горло от его усилий. Я резко присела, развернувшись к нему лицом, резко встала и оттолкнула его ладонями. Люблю я этот толчок, – она изобразила руками что-то похожее. – Он отшатнулся и упал, а из моего пореза начала течь кровь, – все это Мари рассказывала спокойно, пытаюсь сложить что-то из салфетки, но вдруг она яростно смяла ее, а во взгляде появился гнев, я инстинктивно отодвинулась назад, такой она была грозной в этот момент, грозной и прекрасной. – Я подошла к нему, наступила шпилькой на руку с ножом, затем ударила несколько раз по ребрам, животу и носу, был слышен хруст ломающихся костей, теперь он не мог подняться, присела на корточки и потрепала его по щеке, сказав: «Ух ты мой, сладкий, хотел получить мое тело силой? Никто не смеет дотрагиваться до меня без моего разрешения. Скольких ты уже изнасиловал?». Он не отвечал, тогда я взяла его нож и провела кончиком лезвия по его щеке, оставляя кровавую полосу. Он не отвечал, тогда я ножом прибила его ладонь к земле. Он инстинктивно отдернул руку от боли, но я не отпускала нож. Он всхрипнул, ребра пробили легкие, говорить он не мог. «Сколько?», – повторила я свой вопрос, но он молчал. Тогда я, посмотрев вокруг и увидев, что его милое гнездышко было обустроено со всеми удобствами, поняла, что это был далеко не первый раз. Я вытащила нож из его руки и сделала четкий надрез на горле там же, где он сделал это у меня: он без моего разрешения дотронулся до меня, да еще и пролил мою кровь. Мой приговор был только один – смерть. «Сука», – только и смог он прохрипеть. Я улыбнулась, затем взяла сумку и пошла домой. Вот и все. Давно говорю, пора ехать в Голливуд, снимать фильм по нашей истории и зарабатывать миллионы, – она стала доедать пирог.

– Лучше Болливуд. Песни и пляски только поднимут рейтинг и кассовые сборы, глядишь, и Оскара дадут, – чуть съязвила я: я уже успела пожалеть раз десять, что подняла этот вопрос: некоторые вещи лучше не знать никогда.

– Не волнуйся за меня, со мной ничего не случится. Во мне живет совершенный убийца, и только он может со мной справиться, да вот только кем он будет нанят? – она обворожительно мне улыбнулась.

В тот вечер мы снова гуляли по Грибоналу, воду она любила так же, как и белоснежные лилии, лилии стояли по всей квартире, пытаюсь заглушить запах надвигающегося конца, лилии, конечно же, были бессильны против него. От этого запаха завянет что угодно, не только лилии, даже желание бороться за свою любовь, даже желание жить.

Набережная канала Грибоедова, как и любая другая набережная, навсегда запомнила облик моей подруги, облик «постигшей звук», и когда мне становится совсем больно, когда слезы душат, я отправляюсь ее искать, по улицам, где мы гуляли, по клубам, где мы танцевали, по кафе, где мы сидели.

Я схожу с ума там, под бесконечным равнодушным небом, я вою там в одиночестве, смотря на небо, вдыхая кристально свежий ночной или утренний осенний воздух, и молю тех, кто там наверху, чтобы у нее все было хорошо, чтобы она была счастлива, чтобы она жила, чтобы в следующий раз она обязательно жила, без меня, счастливой, но без меня, я не сделаю ее счастливой, ни-в-той-ни-в-этой-жизни-никогда.

Но мои мольбы, как всегда, остаются не услышанными, как тогда, когда она задыхалась по ночам, когда она харкала кровью, я проклинала тех, кто там наверху, что она еще слишком молода, чтобы так страдать, чтобы умирать, но Мари, моя глупая-маленькая-девочка, не переставала курить, курить и смеяться.

Мои проклятья также остались не услышанными. На все есть причина, даже для рака легких, и мы обе это знали, но молчали, молчали, молчали...

Город ее помнит, ее помнят все каналы, все набережные, все улицы, где Мари оставила часть своей души, мне в подарок, зная, что я буду возвращаться туда раз за разом, я ненавижу ее за это, я люблю ее за это.

А ночью мы танцуем танго, страстный танец любви, на нас обеих высокие шпильки, узкие платья, убраны волосы, танго – строгий танец, он не любит небрежности и распущенности. Мы сами строги, мы слишком остры даже для нас самих. Танго – как укол любовью, это сама настоящая инъекция яда.

Мари сама и наняла того совершенного убийцу, который жил в ней. Вопрос «что она заплатила ему» остается открытым до сих пор...

...«Мы обязательно встретимся, слышишь меня? Прости. Там, куда я ухожу, – весна».

Следующий трек. Дельфин.

Незаметно для самой себя, я за эти годы выучила каждое слово этой песни, каждая ее нота давно пропитала каждую мою пору, до самого костного мозга.

За эти семь лет я сменила не один плеер, но этот трек каждый раз неизменно, незаметно оказывался в моем новом устройстве. Иногда мне кажется, что он уже был там заранее предустановлен, специально для меня, будто продавцам специально было дано такое указание свыше.

Под эту песню так хорошо вспоминается, так больно. Мазохистка. Честное слово, мазохистка. Я не могу себя иначе назвать...

...В июле Мари сдержала свое слово: она показала мне свой спортивный клуб, где она стабильно пропадала три дня в неделю.

Зачем? Что она хотела этим доказать? Вся больная насквозь, кашляющая кровью, пути обратно давно уже нет, но три дня в неделю, как проклятая, посещала тренировки.

Мари безупречно владела ножом; я доверяю лишь острому лезвию – оно не дает осечки, так она часто говорила, когда точила свои любимые ножи, неизменным остался лишь рак легких.

В начале месяца она привела меня в спортивный зал, чтобы я увидела, как она безупречна на ринге. Я знала это и так, но она настаивала, а перед ее просьбами я не могла устоять, не могу до сих пор, я всегда выполняла ее просьбы, написать нашу историю – одна из таких просьб, и улыбаться, да улыбаться завтра, даже когда ее не будет, тоже.

Она была великолепна, совершенна, я видела все, не пропустила ни одного жеста, ни одного удара, у нее было спортивное накаченное тело. Мари была неповторима, она не дралась, она танцевала танец, безупречный, ни единого лишнего движения, и все ее противники были повержены, всегда.

Она не оставляла им ни единого шанса, даже полшанса не было у этих накачанных мужчин, что бросались на нее. Откуда в ней была такая сила?

Закончив свое занятие, она подошла ко мне, взяла у меня бутылку воды и стала жадно пить. К ней мгновенно подскочил какой-то здоровенный парень, шкаф, как я называю таких, и стал ею откровенно восхищаться, какая она молодец, какая она идеальная, при этом он обнял ее за талию.

В глазах моей подруги промелькнуло что-то игривое, о, я уже хорошо знала этот взгляд, я улыбнулась, ожидая продолжения. Мари стала флиртовать с ним, обняла его, улыбалась ему, положив одну руку ему на затылок, а вторую на плечо. Она немного наклонила его, словно желая что-то сказать ему на ушко, он заулыбался в надежде, что ему обломится секс, но Мари резко ударила его лицом о свое плечо, сломала ему нос, он отпрянул назад, она ударила его ногой в живот так, что он упал, держась за лицо и что-то крича, кровь стекала на пол.

Сразу же прибежала медсестра, затем вышел какой-то пожилой мужчина и сказал ей, что хватит новичков калечить, да, клянутся к тебе, пожалела хотя бы одного. Она лишь улыбнулась в ответ.

– Ревнуешь? – игриво спросила она меня.

– К кому? – я в притворном недоумении приподняла правую бровь.

Продолжить нашу игру мы не смогли: она вдруг закашлялась и убежала в раздевалку.

Я пошла следом за ней и наблюдала от самого начала и до самого конца привычную уже картину: моя подруга выхаркивала саму себя со сгустками темно-вишневой крови, я не могла ничем ей помочь, только лишь ждать, стоять рядом, а потом подать белоснежный шелковый платок, которым она вытрет свои губы от воды, а на платке останутся лишь кровавые разводы...

Больше я на ее тренировки не ходила.

А по ночам мне снились кошмары: моя подруга умирает у меня на руках, раз за разом, сон за сном, ночь за ночью, все мои сны были только об одном – о ее

смерти, она стояла напротив меня, а потом вдруг, резко у нее шла горлом кровь, и она падала, смотрела на меня в последний раз, улыбалась и просила улыбаться, завтра, непременно, тоже улыбаться.

Я ходила с ума после таких снов, я была сама не своя, я бродила по квартире, по огромной двухкомнатной квартире на Ваське, отделанной в светло-голубых тонах, я переживала, много переживала, начинало болеть сердце, падало давление, меня тошнило, я ругалась матом, шипела от боли, у меня текли слезы, но...

...я не могла себе представить, что будет со мной после ее смерти, она курила, много курила, задыхалась кашлем, задыхалась кровью, но продолжала курить, я вырывала сигареты из ее рук, давала ей пощечину за пощечиной, мяла пачки, выбрасывала зажигалки, давала пощечину за пощечиной, ругалась, плакала, плакала и я, но она все равно продолжала курить, просто ад какой-то, бесконечный, секунда за секундой, день за днем на протяжении всех двенадцати месяцев, что мы были вместе.

Она знала, что умрет раньше меня, что покинет меня, и от этого ей становилось еще хуже, она знала, что я не люблю ее, что никогда не любила и никогда не полюблю... никогда – страшное слово...

Эти кошмары прекратились в момент ее смерти, в момент ее смерти все прекратилось.

Однажды ночью я проснулась с криком от подобного кошмара, Мари в очередной раз умерла у меня на руках, казалось бы, я давно должна была уже привыкнуть к таким снам, к ее смерти, но каждый раз как первый, мне было очень страшно, всегда, после таких снов, как бы ярко ни светило солнце в окно, меня всегда била мелкая дрожь, била и в ту ночь.

Ее не было рядом, она была в ванной, оттуда доносился шум воды да ее кашель, ее кашель до сих пор стоит у меня в ушах, он отдается эхом, множится, он уже давно стал реквиемом по ней, кашель да рев мотоциклов.

Я поднялась, вошла в ванную и увидела ее, постигшую звук, мою единственную подругу, в одном нижнем кружевном белье, склонившуюся над раковиной, мокрые концы волос от воды и крови прилипли к ее лицу, ее губам, я видела ее

смерть, ее близкую смерть, я закусил до боли губу, она заметила меня, посмотрела на меня взглядом полным боли, ненависти, любви ко мне.

– Уйди, – тихо, но так властно сказала она, что я не могла послушаться ее, и я вышла, закрыв за собой дверь.

Прислонилась к стене и слушала ее движения в ванной, шум льющейся воды, и смотрела невидящим взглядом в потолок.

Она просидела в ванной около часа, смотрела на льющуюся воду, о чем-то думала, я стояла за стеной, моля всех богов, чтобы они услышали меня хоть раз, но мольбы проклятых всегда остаются неслышанными, молиться было бесполезно.

Наконец, Мари вышла, увидела меня, я подошла к ней.

– Что? – с вызовом бросила она.

– Ты умираешь с каждым вдохом. Тебе дышать больно, – я путалась в словах, я путалась в мыслях, я путалась в жизни.

– Мне осталось жить очень мало. Да, мне больно дышать.

Я не знала, что ей сказать, что и как ей сказать, чтобы все изменить, изменить ничего нельзя, она умрет у меня на руках, этого не избежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Извини (англ.).

2

Очень плохой (англ.).

3

Речь идет о романе «Noir».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/eva-li/dyshat-bolno-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)